

Секция «44.26 Проблемы конституционного строя и конституционного статуса личности»

**Искусственный интеллект и конституционный статус личности: пределы
расширительного толкования**

Научный руководитель – Бондарева Елена Анатольевна

Мамиконян Кристина Геворговна

Студент (бакалавр)

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: mamickonyankristina@yandex.ru

Стремительное развитие цифровых технологий и внедрение систем искусственного интеллекта трансформируют общественные отношения, ставя новые задачи в правотворческой сфере. Федеральное законодательство, конкретизирующее и развивающее положения Конституции РФ, закрепляющей основы конституционного строя и гарантирующей права и свободы человека и гражданина, должно отвечать вызовам, возникающим в условиях постоянного технологического совершенствования. Несмотря на формирование нормативной базы в сфере цифровых инноваций, многие аспекты применения искусственного интеллекта остаются неурегулированными. В числе проблем обозначаются вопросы защиты персональных данных, обеспечения информационной безопасности, охраны интеллектуальных прав, однако ключевое значение приобретает определение конституционно-правового статуса искусственного интеллекта.

Первостепенной задачей является выработка единого подхода к участию искусственного интеллекта в правоотношениях. В юридической науке выделяются два основных подхода: юридический и технический [2; 65]. В рамках первого подхода, искусственный интеллект рассматривается как объект права, а совершенствование регулирования предполагает адаптацию существующих норм с учетом технологической специфики. Второй, технический подход, ориентирован на формирование специального правового режима и допускает признание искусственного интеллекта субъектом права. Ю.С. Балалаева отмечает, что на современном этапе преобладающим является именно первый подход, поскольку существующие системы искусственного интеллекта не обладают самостоятельным мышлением вне заданного алгоритма и не сопоставимы с интеллектуальными способностями человека [1; 16]. И.Н. Спицин подчеркивает, что «судебное правоприменение требует не только формальных действий, но и содержательного юридического мышления, работы с оценочными категориями», а «у искусственного интеллекта не может быть внутреннего убеждения» [4; 143], что делает преждевременным наделение его правами и обязанностями.

В российской правовой действительности именно объектная модель положена в основу регулирования. Вместе с тем развитие технологий демонстрирует тенденцию к расширению функциональной автономии систем искусственного интеллекта. Они используются в промышленности, способны самостоятельно управлять технологическими процессами, фактически выступая в роли «работника», что актуализирует вопрос о возможной правосубъектности и ответственности за причиненный вред. С точки зрения классификации современных систем, в настоящее время существуют лишь слабые проактивные системы, не обладающие полноценным самосознанием [5; 210], однако прогнозируется появление более сложных, «сильных» форм, способных к комплексной аналитической деятельности.

В этой связи особое значение приобретает позиция А.В. Нечкина, указывающего, что положения Конституции России не дают определения понятия «личность» и допускают его расширительное толкование, предполагая включение в него любых носителей интеллекта, вне зависимости от природы происхождения [3; 78]. Такая интерпретация теоретически открывает возможность признания искусственного интеллекта носителем конституционно-

правового статуса. Развивая данную идею, О.Н. Кузьмина допускает формирование конституции правового статуса высокоразвитого искусственного интеллекта по образу и подобию статуса человека и гражданина [4; 141].

Однако расширительное понимание «личности» требует установления принципиальных ограничений. А.В. Нечкин справедливо подчеркивает необходимость выработки универсальных ограничений прав и свобод искусственного интеллекта по аналогии с естественными физиологическими ограничениями человека, чтобы не допустить приобретения им «эволюционных преимуществ перед человеком» [3; 81]. В частности, исключению подлежат политические права, поскольку участие в осуществлении власти согласно Конституции РФ связано с народовластием и принадлежит многонациональному народу. Наделение искусственного интеллекта правом избирать и быть избранным противоречило бы идеям демократического государства и принципу, закрепляющему человека, его права и свободы в качестве высшей ценности.

Таким образом, дискуссия о конституционно-правовом статусе искусственного интеллекта выходит за рамки технического регулирования и затрагивает фундаментальные основы конституционного строя. До тех пор, пока системы искусственного интеллекта не обладают автономным самосознанием и внутренней волей, их признание субъектами конституционных прав представляется преждевременным. Даже при гипотетическом расширении понятия «личность» приоритет должен сохраняться за человеком как центральным элементом конституционной системы ценностей.

Источники и литература

- 1) Балалаева Ю.С. К вопросу о внесении в Конституцию РФ изменений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта / Ю.С. Балалаева // Конституция России и развитие законодательства: сб. мат-лов III Всерос. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 10 декабря 2021 г). Нижний Новгород: Нижегородский институт управления - филиал РАНХиГС. 2022. С. 14 - 24.
- 2) Власова В.Ю., Ястребова А.И. Особенности конституционно-правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в России / В.Ю. Власова, А.И. Ястребова // «Современное право». 2024. № 4. С. 63 – 68.
- 3) Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее / А.В. Нечкин // Lex Russica. 2020. № 8 (165). С. 78 - 85.
- 4) Спицин И.Н. Юридизация понятия «искусственный интеллект» и пределы использования технологии искусственного интеллекта в судебном процессе / И.Н. Спицин // Lex Russica. Т. 74. № 10 (179). 2021. С. 137 - 146.
- 5) Степаненко Д.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеев, Ю.А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 206 - 214.